

В. П. ПОЛОНСКИЙ

Маркс и Бакунин (Из истории революционной борьбы)

I

История первого Интернационала неразрывно связана с именами Маркса и Бакунина и с историей той жестокой борьбы, которую вели между собой эти два титана революции. Эта борьба закончилась печально для Бакунина — он был исключен из Интернационала, но в результате этой борьбы распался и сам Интернационал. Анархическая литература виновниками столкновения считает Маркса и марксистов. Последние, в лице главным образом Iekka (автора книги «Интернационал») всю вину возлагают на Бакунина. Теперь, спустя много лет после того, как оба непримиримых борца спущены в могилу, когда жизнь разрешила многие из вопросов, их волновавших, мы можем спокойно и беспристрастно подойти к отношениям, существовавшим между ними.

* * *

Познакомился Маркс с Бакуниным еще в 1843 г. Вот в каких выражениях передавал свои впечатления о первом знакомстве с Марксом сам Бакунин.

«Маркс был тогда более крайний, чем я. Я совсем был не знаком тогда с политической экономией, я не освободился еще от метафизических абстракций и мой социализм был тогда инстинктивным. Он же, хотя и моложе меня годами, был уже атеистом, научным материалистом и сознательным социалистом. Именно в эту эпоху вырабатывал он первые основания своей настоящей системы. Мы довольно часто виделись друг с другом, потому что я очень уважал его за его страстную и серьезную преданность делу пролетариата, хотя всегда с примесью личного тщеславия; я с интересом слушал

его разговоры, всегда поучительные и умные, если только они не вдохновлялись жалкой злобой, что к сожалению, бывало очень часто. *Однако между нами никогда не было полной близости; наши темпераменты не переносили этого. Он называл меня сантиментальным идеалистом и был прав; я его называл мрачным, вероломным, тщеславным человеком и тоже был прав* (курсив мой. — Вяч. П.).

Подчеркнутые мною места дают основание заключить, что с первых встреч между ними зародилась взаимная неприязнь, вызванная несходством темпераментов, различием общих складов мышления и настроений. Эта неприязнь подогревалась теоретической непримиримостью Маркса.

Переписка Маркса дает много примеров презрительного отношения его к своим теоретическим противникам. Он не скрывал сознания своего перед ними умственного превосходства. Психологическая неприязнь получила богатую пищу вскоре после известных выступлений Бакунина в 1848 году, когда в связи с революционным движением в Европе он явился проповедником всеславянского объединения. К этим выступлениям Бакунина Маркс отнесся резко отрицательно. В Марксе не было, конечно, немецкого национализма. Ополчаясь против панславистской идеологии Бакунина, он исходил не из желания спасти немецкую государственность, которая была ему не менее ненавистной, чем Бакунину, а руководился лишь интересами революции. Сам Бакунин, как мы увидим ниже, должен был признать, что в этом вопросе правота была не на его стороне.

В конце 48 г. Бакунин выпустил свое «Воззвание к славянам русского патриота». В этом воззвании он призывал славян к борьбе за освобождение *всех* славянских народов, — независимо от особенностей каждого народа и тех условий, в которых народы эти жили. В ответ на это воззвание в газете Маркса «*Neue Rheinische Zeitung*»¹ были помещены статьи, смысл которых сводился к следующему:

Тяжкий мучительный опыт научил нас, что «братство европейских народов» достигается не посредством фраз и благочестивых пожеланий, а путем решительных революций и кровавой борьбы; что дело идет тут не о братстве всех европейских народов под сенью одного республиканского знамени, — но о союзе революционных народов против контрреволюционных, о союзе, который осуществляется не на бумаге, а на поле битвы. И если, продолжал автор далее, — революционный панславизм там, где идет дело о фантастических славянских национальностях, — отказывается совсем от революции, то в таком случае, мы знаем, что нам делать. В таком случае «борьба неумолимая, борьба на жизнь и на смерть» с изменяющим революции

славянством, истребительная борьба и беспощадный терроризм — не в интересах Германии, а в интересах революции.

Был ли прав Маркс, так ставя вопрос о «всеобщем» освобождении? Ответ на этот вопрос нам дает сам Бакунин. Позднее, когда остыл его панславистский пафос, в одном из своих писем Жуковскому, вспоминая это первое свое столкновение с Марксом, он писал:

«Прав вполне Маркс относительно панславизма, который всегда был и будет скрытым деспотизмом. Русские цари всегда обещали славянским народам освобождение из-под чужеземного ига, чтобы подчинить их русскому деспотизму, *и надо сознаться, что наши братья славяне своим односторонним национализмом много способствуют царской пропаганде* (курсив мой. — Вяч. П.), как этому уже способствуют пруссаки в Силезии, а наши поляки в Малорусской Галиции».

Приводя это признание Бакунина, мы не имели, разумеется, намерения лишней раз показать правоту Маркса в спорах с противниками. Мы хотели показать лишь, что пламенная деятельность Бакунина, продиктованная самыми лучшими чувствами, его горячая проповедь панславизма, его призывы к борьбе с немцами объективно, независимо от его хотений в раскаленной атмосфере политических столкновений *могли быть благоприятной почвой*, на которой пустило корни нелепое и подлое подозрение, будто Бакунин, призывавший к разрушению Австрийской Империи, — действовал так в интересах русского царя. Утверждал же он сам в цитированном выше письме, что *братья славяне своим односторонним национализмом способствуют царской пропаганде*. В глазах некоторых немецких революционеров он сам попал в положение одного из таких братьев-славян.

Но откуда, из какого источника могло непосредственно возникнуть это нелепое, и столь возмутительное именно по отношению к Бакунину, подозрение?

В 1847 г., после банкета в Париже в годовщину польского восстания, русский посланник Киселев², с целью опорочить Бакунина, распространил слух о том, будто Бакунин состоял на жалованье у русского правительства. Вспомнил затем, что в ответ на интерпелляцию³ в палате депутатов — точного и успокоительного ответа не последовало. Весьма вероятно, что слух этот, спустя два года, был вновь пущен в обращение, — быть может из тех же царских заграничных кругов. Как бы то ни было, — в газете Маркса появилась корреспонденция из Парижа, в которой сообщалось, что, в связи с ведущейся славянской пропагандой, ходит слух, будто в распоряжении Жорж Занд находятся документы, сильно компрометирующие Михаила Бакунина. Документы эти, будто бы, рисуют его, как агента русского правительства, сыгравшего активную роль в произведенных недавно

арестах поляков. Бакунин, узнав об этой клеветнической заметке, тотчас потребовал от Жорж Занд опровержения слухов. Жорж Занд немедленно обратилась к Марксу с следующим письмом:

«Фактические данные, сообщаемые нашим корреспондентом, совершенно ложные, не имеют даже и малейшей тени правоты. Я никогда не обладала ни малейшим доказательством правдивости тех инсинуаций, которым вы пытаетесь дать веру против Бакунина, изгнанного из Франции павшим королевством. Следовательно, я никогда не была в праве подвергнуть малейшему сомнению лояльность его характера и великодушие его убеждений». Прим. и проч.

P. S. Я обращаюсь к вашей чести и совести, рассчитывая на немедленное помещение этого письма в вашей газете.

Письмо это было напечатано Марксом со следующей припиской редакции:

«Таким образом мы исполнили обязанность прессы строго наблюдать за поведением общественных деятелей и дали возможность г. Бакунину рассеять подозрения, которые, действительно, были распространены в известных кругах Парижа».

К несчастью, эта клевета не умерла даже после того, как дважды приговоренный к смертной казни и выданный русскому правительству, Бакунин томился в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях и затем был сослан в Сибирь. В 50-х годах, эту клевету против Бакунина распространял некий Франц Маркс, однофамилец Маркса, страдавший своеобразной манией: во всех выступлениях революционеров он видел происки русского царя. В 1853 г. Карл Маркс разоблачил эту клевету⁴. Тем не менее обвинения Бакунина в связи с русским правительством возобновлялись и позднее. После смерти Бакунина в заграничной печати так объясняли подозрительное отношение к Бакунину:

«На Бакунина смотрели многие хорошие социалисты, люди беспристрастные, как на русского агента; *это подозрение, ложное, без сомнения, основывалось на том, что разрушительная деятельность Бакунина приносила только зло революционному движению и в то же время была очень полезная для реакции*» (курсив мой. — Вяч. П.).

Это было именно так: не в личных антипатиях, не в психологическом несходстве характеров Бакунина и Маркса, не в различии их темпераментов — лежали причины их непримиримой и непримиренной вражды. Если в 48 году причиной недоверия к Бакунину был его панславизм, по убеждению немецких социалистов, реакционный, то после его вторичного появления в Европе, их недоверие возбуждала вся деятельность Бакунина как анархиста, борьба, которую вел он в Интернационале, и его Тайный альянс, и заговорщицкие

замашки, бунтарство, образ жизни и, наконец, его близость к Сергею Нечаеву. Здесь каждое лыко шло в строку. Вот, напр., в каких выражениях характеризовал в письмах Маркс деятельность Бакунина в Интернационале:

«...В конце 1868 г. Бакунин вступил в Интернационал с целью образовать внутри его *еще один интернационал* с ним во главе, под именем “Alliance de la democratie socialiste”⁵. Будучи человеком без всяких теоретических знаний, он претендовал на то, чтобы в этой особой организации стать представителем *научной* пропаганды Интернационала и сделать специальной задачей этого *второго интернационала эту пропаганду внутри Интернационала*. Программа его представляла собою мешанину поверхностных идей, нахватанных им справа и слева: *равенство классов (!), уничтожение наследственного права, как исходный пункт социального движения* (сен-симонистская чепуха), *атеизм*, как догмат, обязательный для членов и т. д., но главным догматом должно было быть (прудонистская черта) *воздержание от политического движения*. Эти детские сказки нашли себе отзвук (и еще держатся кое-как) в Италии и Испании, где еще не развиты реальные условия для рабочего движения, а также среди немногих тщеславных, мелочных, пустых доктринеров в Романской Швейцарии и Бельгии. Для г. Бакунина доктрина его (хлам, собранный им у Прудона, Сен-Симона и др.) была и остается побочным делом — только средством для того, чтобы приобрести личное значение. В теоретической области это нуль, но интриги это — его стихия. Годы приходилось генеральному совету бороться против этого заговора (находившего себе некоторую поддержку со стороны французских прудонистов, особенно в южной Франции). Наконец, постановлениями конференции 2 и 3, IX, XVI, XVII он нанес долго подготавливавшийся удар. Бакунин (ему, кроме того, еще лично угрожает резолюция XIV — опубликование в «Egalité»⁶ нечаевского процесса (она раскроет всем его позорные русские истории) — делает все возможное, чтобы с остатками своих приверженцев как-нибудь организовать протест против конференции».

И в других местах переписки Маркс неоднократно возвращался к роли, которую Бакунин играл в Интернационале, неизменно характеризуя ее как роль вредную и опасную для дела рабочего движения. Самые задачи, которые преследовал Интернационал, по мнению Маркса, противоположны тем целям, к которым стремился Бакунин.

Борьба за Интернационал, за влияние в нем, — в сознании Бакунина была, конечно, борьбой за иное, не марксистское, направление международного рабочего движения. Эта борьба питалась основными и коренными различиями взглядов бакунистов и марксистов. Сам Бакунин эти различия прекрасно понимал и, стремясь к победе

в Интернационале, смотрел на борьбу за направление движения как на борьбу не на жизнь, а на смерть. Вот что сообщал он в одном из своих писем Герцену:

«Маркс, несомненно, полезный человек в интернациональном обществе. Он в нем еще до сих пор один из самых твердых умных и влиятельных опор социализма — одна из самых сильных преград против вторжения в него каких бы то ни было буржуазных направлений и помыслов. И я никогда не простил бы себе, если бы для удовлетворения личной мести я уничтожил или даже уменьшил его, несомненно, благодетельное, влияние. *А может случиться и вероятно случится, что мне скоро придется вступить с ним в борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники.* Ну, тогда мы будем драться не на живот, а на смерть. Но все в свое время, теперь же время еще не пришло» (курсив мой. — Вяч. П.).

Письмо это было написано Бакуниным в ответ на запрос Герцена, который интересовался причинами, заставившими Бакунина однажды лестно отозваться о Марксе. Вот как разъяснил Бакунин свою похвалу:

«Я пощадил и превознес его также из тактики, из личной политики. Как же ты не видишь, что все эти господа вместе наши враги, составляют фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты умнее меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказал: *divide et impere*⁷. Если бы я пошел теперь открыто войной против Маркса, три четверти интернац[ионального]. мира обратились бы против меня, и я был бы в накладе, потерял бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начав же войну нападением на его сволочь, я буду иметь за себя большинство, да и сам Маркс, в котором, как тебе известно, злостной радости *Schadenfreude*⁸, тьма тьмуцая, будет очень доволен, что я задел и отделал его друзей. Ну, а когда я ошибусь в расчетах, и он за них вступится, то ведь он первый начнет открытую войну».

Таковы были планы Бакунина. Они говорят о чем угодно, только не о миролюбии. И эта враждебная атмосфера, сгущавшаяся вокруг Бакунина и Маркса, чрезвычайно благоприятствовала всяческому обвинениям и подозрениям. Она же усиливала и без того враждебные отношения Маркса и Бакунина. Но эта взаимная неприязнь, питавшаяся несходством характеров, складов мыслей и личной антипатией, играла, в конце концов, второстепенную роль. Первостепенное же значение имели разногласия теоретические и практические, вырывшие между ними непроходимую пропасть.

II

За Бакуниным утвердилось в истории прозвище бунтаря. Это, разумеется, не случайно. Чем же бунтарь отличается от революционера? Для последнего революция — длительный процесс, в котором разрушение старого сопровождается созиданием новых форм. Внимание свое революционер концентрирует на созидании, даже тогда, когда разрушает. Революционер — творец, строитель. Бунтарь разрушитель. Строительство, творческие задачи — бунтарю чужды и непонятны. Внимание его всецело поглощено разрушительными задачами. Революционер стремится к плану, к организованному действию; бунтарь к вспышкам, к отдельным взрывам, к несогласованным и не приведенным в систему ударам. Революционер — организатор; бунтарь — враг всякой организации, дезорганизатор по преимуществу. Бакунин являет собой в этом смысле классический и, покуда, непревзойденный образец бесшабашного и неутомимого бунтарства. Идеи его всегда пропитаны духом протеста, готовностью ежеминутно проявиться во вне, в решительном акте, в взрыве, в бунте, — независимо от условий, в которых этот взрыв должен произойти. Оттого-то все построения его основаны не столько на анализе того, что есть, сколько на желаньях того, что должно быть. Он нередко употреблял, например, слова «рабочий народ», «пролетариат». Но какой смысл вкладывал он в эти понятия? Понятия эти растворялись в его сознании в понятии «чернорабочего люда» вообще.

Качественное отличие фабрично-заводского рабочего, особый склад его психики, проводящий резкую грань между ним и босяком, или сельским батраком, — Бакунин попросту не улавливал. Неизбежность социальной революции он не связывал с численным ростом рабочего класса, с повышением его умственного уровня. В противоположность Марксу, который во всех своих трудах доказывал, что победа социальной революции возможна лишь только как победа рабочего класса, — Бакунин был убежден, что из всех стран больше других близки к социальной революции Италия и Испания, — страны, в то время менее других преуспевшие на пути капиталистического развития и обладавшие слабым по численности и невысоким по уровню классового сознания пролетариатом.

«Может быть, нигде так не близка социальная революция, — писал он, — как в Италии, нигде, не исключая даже самой Испании, несмотря на то, что в Испании уже существует официальная революция, а в Италии, по-видимому, все тихо. В Италии весь народ ожидает социального переворота и сознательно стремится к нему. Можно себе представить, как широко, как искренно и как страстно

была принята и принимается новым итальянским пролетариатом программа Интернационала».

Тот факт, что в Италии *отсутствовал* развитой и многочисленный городской пролетариат, в глазах Бакунина был как раз условием, *облегчившим* наступление социальной революции.

«В Италии не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже отчасти привилегированного, благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением. Особенно в Германии и в Швейцарии таких работников много; в Италии же, напротив, очень мало, так мало, что они теряются в массе без малейшего следа и влияния. В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором гг. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа демократов Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы заключается и весь ум, и все будущее социальной революции».

Что увлечение Бакунина итальянским чернорабочим людом не было случайным, подтверждается его верой в возможность социальной революции в России в шестидесятых годах, едва успевшей выйти из рабства, неграмотной, беспросветно-темной, нищей. Темнота, безграмотность, нищета — эти именно особенности и подогревали надежды Бакунина. Отсталось и рабство — все это, оказывается, только ускорит процесс революции, усилит эффект ее действия, все это как раз поможет ей одержать победу. Успех социальной революции в тогдашней России казался ему возможным потому, что «именно в русском народе, — писал он, — существуют в самых широких размерах два первых элемента, на которые можем указать как на необходимые условия социальной революции. Он может похвастать чрезмерной нищетой, а также и рабством примерным». И в качестве аргумента, подтверждающего эту возможность, он приводит примеры двух страшных взрывов, которыми проявило себя глубокое и страстное отчаяние, с каким русский народ переносил свое рабство. Примеры эти — бунты Стеньки Разина и Емельяна Пугачева.

Разиновщина и Пугачевщина — слепые восстания народных низов против поработителей, несшие с собой одно лишь мстительное и беспощадное истребление, — казались Бакунину примерами, достойным подражания. Именно такой «боевой», «бунтовский» путь, родившийся в народных недрах, считал он единственно правильным, подсказанным мудрым чутьем народа. «В него мы верим и только

от него ищем спасения», — говорил Бакунин. Он шел дальше и создавал своеобразную апологию разбойничества, как положительного явления русской жизни.

Разбой в русской жизни всегда играл значительную роль. С разбоем была связана наша торговля. Разбойники были первые строители нашего государства. Разбой был бытовым явлением нашего прошлого, изобилующего множеством лихих подвигов, которые народная фантазия разукрасила яркими цветами легенды. Это обстоятельство дало Бакунину повод придти к заключению, что именно в разбойнике хранится предание народных обид, в нем одно доказательство жизненности, страсти и силы народа. Разбойник в России, — уверял Бакунин, — настоящий и единственный революционер, революционер без фраз, без книжной риторики, революционер народно-общественный, а не сословный.

«В тяжелые промежутки, — писал он, — когда весь крестьянский рабочий мир спит, кажется, сном непробудным, задавленный всей тяжестью Государства, лесной разбойничий мир продолжает свою отчаянную борьбу и борется до тех пор, пока русские села опять не проснутся. А когда оба бунта, разбойничий и крестьянский, сливаются, — порождается народная революция. Таковы были движения Стеньки Разина и Пугачева. Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по целой России, разбойники, заключенные в бесчисленных острогах Империи, составляют один нераздельный, крепко связанный мир — мир русской революции. В нем, и в нем только одном, существует издавна настоящая революционная конспирация».

Бакунин не умел останавливаться на полпути. Раз став на почву апологии разбоя, он должен был сделать из нее все логические выводы. И он эти выводы делал:

«Кто хочет конспирировать не на шутку в России, кто хочет революции народной, тот должен идти в этот мир», — писал он.

То есть: да здравствует разбой! Это было с выразительностью, не допускающей ни сомнений, ни кривотолков, высказано в той же самой прокламации, которую мы только что цитировали. Написана эта прокламация была в 1869 году, когда в университетских городах России вспыхнули студенческие волнения, с которыми правительство расправлялось с жестокостью беспощадной. Молодежь волновалась, в разных концах России вспыхивали протесты. В это самое время прокламация обращалась к молодежи с такими строками:

«Возрастает, видимо, и число ребят, бегущих в леса; разбойничий мир пободрел и оживился... Приближаются годовщины Стеньки Разина и Пугачева. Надо же будет отпраздновать народных бойцов... Все должны будут готовиться к пиру... В чем же состоит наша

задача? Следуя по пути, указываемому нам ныне правительством, изгонявшим нас из академий и университетов и школ, бросимся, братцы, дружно в народ, в народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский и, храня верную крепкую дружбу между собой, сплотим все разрозненные мужицкие взрывы в народную революцию, осмысленную и беспощадную».

Эти призывы не следует, конечно, понимать в погромном смысле. Бакунин не призывал к резне, к грабежам, к исконно-русскому красному петуху и к поголовному истреблению богатеев. Когда дело доходило до жестокостей, Бакунин находил слова разумные, предостерегающие от насилий, показывающие всю их ненужность и бесполезность. Апология разбоя характеризует лишь то свойство бакунинского темперамента, который толкал его до самой последней черты по неверному пути, на который он вольно или невольно раз вступил. Раз пойдя по какому-нибудь направлению — он не останавливался на полдороге, шел до конца, не сворачивая ни перед какими преградами. Эта апология разбоя, если даже признать, что она навеяна была Нечаевым, явилась в конечном счете логическим следствием некоторых основных воззрений Бакунина на народ. Бакунин преклонялся перед стихийной, бессознательной мудростью народа, верил в его разум, в силу народного чутья, в справедливость народной стихии. Бакунин после Герцена был первым, с пера которого сорвались слова «в народ», сделавшие эпоху в истории русского самосознания. Любовь к народу, преклонение перед ним, чувство своего неоплаченного ему долга — это основные мотивы, из которых была соткана ткань народничества Бакунина. Бакунин был социалистом. Он считал социализм более высокой и справедливой формой человеческого существования. Этого было достаточно, чтобы социалистический идеал он увидел во всяком простом человеке, деревенском мужике или городском чернорабочем. Он верил, что всякий народ в целом и каждый отдельный рабочий, трудящийся человек, не может не быть, должен быть социалистом по самому своему положению. У него была также вера в то, что народные массы уже в инстинктах своих, в нутре своем, в психологии, во всей деятельности своей, в сознательных и бессознательных стремлениях и потребностях — носят все элементы «будущей нормальной организации» — идеал народной жизни.

«Потому-то мы, — писал Бакунин, — не только не имеем намерения и малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного нами самими... Наоборот, “мы ищем этот идеал в самом народе”».

Это не мешало Бакунину нередко противоречить самому себе. Он, например, отрицательно относился к общине и резкими словами клеймил «гнусную гнилость и современное бесправие патриархального деспотизма и патриархальных обычаев, бесправие лица перед миром и всеподавляющую тягость этого мира». Он говорил даже о том, что для этого крестьянского великорусского мира, жестокого и злостно-бесцеремонного, по отношению к бессильному или небогатому члену, характерна даже готовность «продать всякое право и всякую правду за ведро водки». И в то же самое время, одной из крупных, положительных черт русского народа, он указывал на всенародное убеждение в том, что право на пользование землей принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами, т. е. тому самому миру, который мы выше, со слов Бакунина, характеризовали словами столь резкими. Он много говорил о бессознательной мудрости народа и призывал анархию, т. е. разнуздание всего, что называется дурными страстями, веруя и других призывая верить, что из этого разнуздания дурных страстей родится новый, прекрасный и счастливый мир.

Народ мудр в своей простоте и первобытной наивности, уверял он. И не учить народ должна интеллигенция, а учиться у него.

«Учить народ, — писал он, — это было бы глупо. Народ и сам лучше нас знает, что ему надо. Напротив, мы должны у него учиться и понять тайны его жизни и силы, тайны не мудреные, правда, но недостижимые для всех живущих в так наз[ываемом]. образованном обществе».

А если так, то совершенно ясно, что и разбой — есть лишь одно из проявлений народной мудрости, одно из средств его самозащиты, одно из проявлений народного идеализма. Потому-то и создалось утверждение, что разбой — одна из почетнейших форм русской народной жизни.

Разбойник — это герой, защитник, мститель народный; непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя, установленного государством; боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации. Понятно, что в результате такого взгляда на неоспоримую мудрость народной стихии Бакунин приходил к выводу, что если есть у интеллигенции какие-нибудь обязанности по отношению к народу, то заключаются они не в том, чтобы учить его.

«Не учить мы должны народ, а бунтовать. Но народ бунтовал всегда. Бунтовал плохо, врознь, бесплодно. Надо сделать так, чтобы бунты его удавались. Надо внести в беспорядочное бунтарство — план, систему, организацию».

Самый же метод борьбы — бунтарски-разбойничий характер, взлелеянный долгой историей народа, — оставался незыблемым.

Таков был фундамент, на котором строил Бакунин теорию «социальной революции». Бакунин представлял себе социальную революцию как всеобщее восстание, всеобщий бунт, который, зародившись где-нибудь в одном месте, в каком-нибудь углу Европы, перекинется по соседству и охватит в победном шествии полмира, а то и весь мир. В представлении его социальная революция играла исключительно разрушительную роль. Она была сплошным уничтожением, разгромом, истреблением. Надо уничтожить как можно больше, по возможности все, что попадется под руку, не щадя ничего и совершенно не заботясь о созидании. Об этом думать не нужно. Следует только разрушать, остальное само приложится. Социальная революция не сможет ограничиться рамками одной страны, границами одного народа. Она будет успешной лишь тогда, когда превратится в революцию интернациональную, когда охватит все народы, разольется по всем странам. Нужно, следовательно, заботиться о том, чтобы сделать эту революцию международной. Для этой цели необходимо связать все народы в одну общую интернациональную организацию. Необходимо, следовательно, эту интернациональную революцию организовать. Эту организацию возможно осуществить с помощью такого международного общества, которое взяло бы в свои руки дело подготовки всеобщего разрушения. Над организацией такого именно общества и хлопотал все время Бакунин, начиная с 1864 года, когда после неудачи польского восстания, он перебрался в Италию. Первоначально это было тайное общество социалистов-революционеров (1864 г.), позднее «союз социалистической демократии» — «Альянс». На целях и приемах деятельности этого Альянса нам необходимо остановиться.

III

«Союз социалистической демократии» был организован в 1869 г. Официально это была открыто существующая организация, принявшая, разумеется, программу Бакунина. Целью своей, согласно первому пункту устава, Альянс ставил организацию и ускорение всемирной революции, сообразно следующим принципам:

«а) уничтожение всех государств и всех властей в Европе, религиозных, монархических, аристократических и буржуазных. Следовательно, разрушение всех существующих держав со всеми их политическими, юридическими, бюрократическими и финансовыми учреждениями.

б) Восстановление нового общества на единственной основе свободно ассоциированного труда, принимая за точку отправления коллективную собственность, равенство, справедливость».

Но страсть Бакунина к заговорам и конспирациям сказалась здесь в том, что, кроме открытой организации, в недрах союза было создано тайное интернациональное братство, подобное тому братству, какое было организовано Бакуниным в 1864 г. в Италии, причем для каждой организации была написана отдельная программа. Одна была верной копией с программы Интернационала, написанной Марксом, другая же, предназначалась для членов, лично избранных Бакуниным. Эта тайная организация интернационального комитета социалистов-революционеров и должна была подпольно руководить явным Альянсом. Это тайное братство строилось по весьма сложной и запутанной системе центральных, наблюдательных и национальных комитетов, затем центральных и национальных бюро, с общими собраниями, тайными отделениями, с национальными группами и сложной иерархией братьев национальных и интернациональных. Таким-то образом наш знаменитый анархист, враг всякой власти и авторитетов, всякой опеки и управления сверху, — пришел к чудовищной мысли о необходимости (о, конечно, не навсегда!) единого руководящего, да притом еще тайного, органа, который будет соблюдать единство идеи и единство революционного действия!

«Революции никогда не делались ни личностями, ни даже тайными обществами, — писал по этому поводу Бакунин, — все, что может сделать хорошо организованное тайное общество, это сначала помочь зарождению революции, распространению в массах идей, соответствующих инстинктам масс, и организовать не армию революции — армией должен быть всегда народ, — а нечто вроде революционного главного штаба, состоящего из преданных, энергичных, интеллигентных личностей, а в особенности из искренних, не честолюбивых и не тщеславных друзей народа — способных служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами. «Для интернациональной организации во всей Европе, — добавляет он для пущей ясности, — достаточно ста революционеров, сильно и серьезно сплоченных. Двух, трех сотен революционеров будет достаточно для организации большой страны».

В таком-то виде с конспиративной организацией «посвященных» внутри Бакунин намеревался объявить «Альянс» ветвью Интернационала, сохранив при этом за Альянсом полную самостоятельность по вопросам программным и организационным. Чтобы успокоить Маркса насчет намерений своего детища, Бакунин писал ему:

«Я понимаю теперь лучше, чем когда-нибудь, насколько ты был прав, идя сам и приглашая нас идти путем экономической революции и резко нападая на тех из нас, которые готовились сбиться с этого

пути на ложные тропинки националистических или исключительно политических предприятий. Я делаю теперь как раз то, что ты начал делать и делал в продолжение более двадцати лет. После торжественных и прощальных слов, обращенных мною к почтенным буржуа бернского конгресса, я не знаю другой среды, кроме мира рабочих. Мое отечество — теперь Интернационал, которого ты был одним из главных основателей. Итак, ты видишь, дорогой друг, что я — твой ученик и горжусь этим. Вот все, что я считаю необходимым сказать, чтобы уяснить тебе мои общественные отношения и личные чувства».

Но подозрительность Маркса не была усыплена этим дипломатическим письмом. Главный Совет Международного Общества Рабочих отказался признать Альянс своей ветвью. Вместе с тем Совет заявлял, что ничего не будет иметь против вступления в Общество отдельных секций. Это решение Генерального Совета вызвало бурю негодования среди друзей Бакунина. Сам Бакунин пошел на уступки. Он объявил свой «Альянс» официально распущенным. Отдельные его секции могли, следовательно, вступить в Международное Товарищество рабочих. Но распустив свой Альянс, Бакунин оставил нераспущенной ту тайную организацию, которая существовала внутри «Альянса», руководителем и признанным главой которой он был. Мир, заключенный с Генеральным Советом, был, следовательно, наружным и временным. Борьба за направление всех работ Интернационала, борьба за влияние на рабочий класс, переносилась в пределы Интернационала. И эта борьба должна была возникнуть, не могла не возникнуть, ибо Марксизм и Бакунизм представляли собою две различных и непримиримых стихии, существовавшие в рабочем движении XX века, две тенденции, из которых одна стремилась уничтожить другую.

Мы видим, таким образом, что независимо от личной неприязни непримиримы были разногласия, глубокой пропастью лежавшие между Бакуниным и Марксом. Если *Бакунин* стремился к немедленному уничтожению государственности вообще, — *Маркс* считал необходимым использование государства в интересах революции путем захвата государственной власти рабочим классом и установления диктатуры пролетариата на время перехода от капитализма к социализму. *Бакунин* полагал, что чернорабочие и крестьянские массы Италии, Испании и других стран готовы к социальной революции, — стоит только поднять ряд бунтов в разных местах. *Маркс*, наоборот, был уверен, что не отсталые чернорабочие массы, а дисциплинированный, с развитым классовым самосознанием фабрично-заводской пролетариат может быть рычагом социальной революции. *Маркс* питал отвращение к тайным организациям, полагая, что только широкое рабочее движение способно играть крупную революционную

роль. *Бакунин*, наоборот, был отъявленным любителем заговоров, конспираций, шифров и тайных знаков. *Бакунин* призывал к немедленной социальной революции, которая понималась как разнуздание всего, что называлось дурными страстями. *Маркс*, наоборот, звал рабочий класс к выдержке, к организации, к дисциплине. Мы призываем анархию, убежденные, что из этой анархии, т. е. полного выражения разнузданной народной жизни, должна выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядок, — писал *Бакунин*. Мы говорим рабочим: вы должны 15, 20, 50 лет вести междоусобные и международные войны, не только для того, чтобы изменить самих себя, сделать себя способными к политическому господству, — писал *Маркс*. *Бакунин* уверял, что все политические учреждения должны быть сразу и немедленно уничтожены вместе с государством. *Маркс* утверждал, что социальное освобождение пролетариата немислимо без политического освобождения и что установление политической свободы и захват государственной власти пролетариатом есть мера первой и абсолютной необходимости. *Бакунин* в отдельных бунтах, вспышках, разрозненных выступлениях видел путь, который приведет к социальной революции. *Маркс*, наоборот, относился резко отрицательно ко всяким попыткам вспышкопускательства отдельных групп и секций, которые свои субъективные пожелания отождествляли с велениями объективного исторического процесса. *Маркс* считал, что Интернационал был основан для того, чтобы на месте социалистических и полусоциалистических сект поставить действительно боевую организацию рабочего класса и всякое сектантство считал реакционным делом, шагом назад, а не вперед. *Бакунин* же, объявив распущенным свой Альянс и войдя в Интернационал, не распустил той тайной организации, которая существовала внутри Альянса, и хотел всю деятельность Интернационала подчинить диктатуре своей секты. Этот тайный союз, перенесенный внутрь Интернационала, должен был преследовать те самые цели, которые *Маркс* и его последователи считали гибельными для рабочего движения, для революции. Вот эти-то основные разногласия и были причиной, вырывшей непроходимую пропасть между *Бакуниным* и *Марксом*, между марксистами и бакунистами. Марксисты видели в *Бакуине* врага рабочего движения, дезорганизирующего его человека, хоть субъективно желавшего ему добра, но объективно приносившего один лишь вред. Непримируемость обоих течений сказалась с первых же дней совместного их существования в Интернационале. Борьба разгорелась прежде всего по вопросу о политической деятельности и вокруг полномочий Генерального Совета, которому по уставу принадлежала роль руководителя деятельности всех секций Международной ассо-

циации рабочих. После того, как Лондонская конференция 1870 г. в резолюции по политическому вопросу вынесла решение, которое подчеркивало необходимость участия рабочего класса в политической деятельности с целью захвата государственной власти, в Сонвилле собрался конгресс Юрской федерации, состоящей в большинстве из сторонников Бакунина. Участники конгресса выставили целый ряд обвинений против Генерального Совета, упрекая его в централизме и превышении власти. В качестве необходимой меры конгресс высказался за лишение власти Генерального Совета и превращение его в несложное справочно-статистическое бюро. К этим постановлениям присоединились затем федерация итальянская, бельгийская и испанская. В ответ на это постановление Гаагский конгресс Интернационала, собравшийся в 1872 г., принял резолюцию, настаивавшую на неразрывности политического и экономического движения рабочего класса. Затем подчеркивалась необходимость организации и самостоятельной политической рабочей партии. Генеральному Совету были предоставлены еще более широкие полномочия — вплоть до права исключать из Интернационала отдельные секции и даже целые национальные федерации, причем местопребывание Генерального Совета было решено перенести в Нью-Йорк. Вместе с тем на конгрессе был поднят вопрос о деятельности Бакунина в Интернационале. По предложению Генерального Совета была избрана комиссия, которой конгресс поручил исследовать дело об Альянсе. В результате своих работ комиссия представила конгрессу доклад, после которого большинством голосов постановлено было исключить Бакунина из Интернационала. Этим, конечно, борьба не закончилась. Вслед за исключенным Бакуниным потянулись его приверженцы, а их было немало, началась яростная борьба против Генерального Совета. Часть федераций пошла за Бакуниным, Генеральный Совет исключил главную федерацию бакунистов, Юрскую. Но на ее стороне оказался ряд других, которые, отколовшись от Интернационала, создали свой собственный, Анархический Интернационал, просуществовавший несколько лет.

Но и Марксистский Интернационал вскоре после раскола должен был прекратить свое существование, с тем чтобы, спустя несколько лет, вновь возникнуть для дальнейшей борьбы.

